

УДК 332(=512.31) (091)

DOI: 10.18324/2224-1833-2021-2-160-165

Поземельное устройство и переселенческое движение на территории Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв.о

К.А. Соснерж

Иркутский государственный университет, Маркса, 1, Иркутск, Россия
ksosnerzh@gmail.com

Статья поступила 12.05.2021, принята 08.06.2021

Статья посвящена вопросам поземельного устройства коренного населения Сибири, а также проблеме инкорпорации данной территории в составе Российской империи в хозяйственном и культурно-бытовом отношении. Через призму политических и экономических связей центра с Восточной окраиной рассматриваются попытки правительства упрочить единство Европейской и Азиатской частей России в рамках империи. В статье представлен анализ политико-идеологических мероприятий, направленных на распространение землеустройства на территории Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, буряты, землеустройство, модели инкорпорации, аграрное законодательство Российской империи.

Land management and migration movement in the Irkutsk province in the late XIX-early XX centuries.

K.A. Sosnerzh

Irkutsk State University; 1, Karl Marx St., Irkutsk, Russia
ksosnerzh@gmail.com

Received 12.05.2021, accepted 08.06.2021

The article is devoted to the issues of the land management of the indigenous population of Siberia, as well as the problem of the incorporation of this territory into the Russian Empire in economic and cultural terms. Through the prism of the political and economic relations of the center with the Eastern regions, the attempts of the government to strengthen the unity of the European and Asian parts of Russia within the empire are considered. The article presents an analysis of political and ideological measures aimed at spreading land management in Siberia.

Keywords: Siberia, Buryats, land management, incorporation models, agrarian legislation of the Russian Empire.

В конце XIX в. Министерством государственных имуществ были выработаны правила о порядке поземельного устройства крестьян четырех сибирских губерний: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Основным положением выступило согласование правил о поземельном устройстве бывших государственных крестьян Центральной части России с местными условиями землепользования в сибирском регионе. Эта главная идея получила воплощение в издании закона от 23 мая 1896 г. «О главных основаниях поземельного устройства крестьян и инородцев...» [1, с. 503-505]. Логическим продолжением законопроекта послужили принятые 4 июня 1898 г. «Высочайше утвержденные Правила о порядке определения земельных наделов и производства поземельно-устроительных работ и об отводе лесных

наделов...» [2, с. 454-465]. Эти же правила, лишь с небольшими изменениями в 1902 г. были распространены и на Забайкальскую область.

Основной целью закона от 23 мая 1896 г. явилось отделение казенных земель от земель, занятых крестьянами и «инородцами» для последующего формирования земельного колониационного фонда. Согласно законодательному акту, земля отводилась в постоянное пользование сельским обществам из расчета «не свыше 15 десятин на наличную душу мужского пола» в Иркутской губернии [1, с. 503]. На территории Забайкальской области норма надела определялась в размере до 30 дес. на наличную душу мужского пола. Кроме этого, независимо от земельных наделов, согласно природно-климатическим условиям крестьянам отводились и лесные наделы из расчета до 3 дес.

на душу мужского пола. Помимо земельного надела законодательством предусматривалось отведение в пользование обществам и селениям лесного надела в размере до 3 дес., за который устанавливался «особый лесной налог» [1, с. 505]. Законодательные акты 1896 и 1898 гг. объявляли правительство Российской империи собственником земли, а также уравнивали в правах и обязанностях коренное население с русским в отношении поземельного, административного и политического устройства. Весь комплекс мероприятий, разработанный в данный период, был направлен на ликвидацию старого административно-территориального устройства. После этого планировалось установить на территориях коренного населения Сибири единую для всей России волостную организацию. Очевидно, что для достижения этой цели необходимо было не только унифицировать землепользование коренного населения с русским, но и в целом реформировать административное устройство края.

Если всю вторую половину XIX в. правительство решало аграрный вопрос в весьма пассивном режиме, то после подавления революции 1905-1907 гг. наступил кардинально новый этап в организации рабочих процессов в регионе, как на уровне поземельного устройства, так и на административно-правовом уровне. Несмотря на тот факт, что правительство объявлялось собственником земли, это не решало противоречия между традиционным использованием земли и потребностями дальнейшего экономического развития. Таким образом, на данном этапе в кругах высшей и местной администрации главным явился вопрос о ликвидации сословных привилегий «иностранцев» по сравнению с русским населением, а также полное их подчинение общекрестьянским учреждениям и узаконениям. Это было связано с тем, что введенная еще «Уставом» 1822 г. порозрядная система управления коренным населением считалась уже крайне неактуальной, тормозившей экономическое развитие региона. Сословие «иностранцев» перестало существовать в самом начале XX в.

Первый этап землеустройства в Сибири начался после утверждения штатного расписания поземельно-устроительных партий. Партии были образованы в губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской. Планировалось, что работы будут закончены в 20-летний срок после их начала, однако в 1906 г. (по истечении почти половины срока) оказалось, что «поземельное устройство Сибири все еще находится в зачаточном виде» [3, с. 49]. Так, землеустроительные работы из всех четырех сибирских губерний были открыты лишь в девяти уездах: Ялуторовском, Курганском, Ишимском, Тобольской губернии (в трех из десяти); в Томском, Каинском уездах Томской губер-

нии (в двух из семи); в Красноярском, Минусинском уездах Енисейской губернии (в двух из пяти); в Иркутском, Балаганском уездах Иркутской губернии (в двух из пяти). Еще в 1901 г. в правительственных кругах встал вопрос о том, с каких волостей, малоземельных или многоземельных, было бы удобнее начать работы [4, л. 7]. Однако, отказавшись на начальном этапе от традиционного подчинения сибирского землеустройства колониальной политике, было решено начать работы в самых малоземельных и густонаселенных волостях с целью урегулирования поземельных отношений государства со старожильческим крестьянским населением.

В середине лета 1898 г. были открыты первые поземельно устроительные работы в русских волостях Иркутского уезда: Хомутовской и Оекской. В следующем году, с образованием второй поземельно-устроительной партии, были начаты работы в русских волостях Балаганского уезда: Черемховской и Бельской [Там же, л. 62].

Землеустройство начиналось с ознакомления чиновников с местными условиями землепользования (по имеющимся архивным материалам). После этого для проведения работ от «устраиваемых» селений избирались уполномоченные. Списки крестьян, имеющих право на надел, составлялись сразу на всю волость. Данные списки в обязательном порядке проверялись на сельских сходах в присутствии крестьянских начальников. Затем производители работ, топографы, лесничие и уполномоченные от крестьян вместе обходили границы фактического землепользования селения. Далее, на основании собранных сведений, составлялся проект наделов, который в присутствии крестьянских начальников и лесничих предъявлялся сельскому сходу. В случае несогласия с проектом крестьяне могли подавать жалобы в поземельно устроительную комиссию, которая состояла из заведующего партией (старшего производителя работ), крестьянского начальника, лесничего, производителя работ, составлявшего проект, податного инспектора и исправника. При этом обязательным было присутствие только первых трех членов комиссии [5, с. 5].

Стоит отметить весьма значимую роль крестьянских, впоследствии крестьянских и иностранческих начальников. Дело в том, что этот новый штат чиновников, сформированный на основании закона от 8 июня 1898 г., являлся проводником землеустроительной политики правительства в регионе и имел непосредственное влияние на ход землеустроительных работ среди коренного населения. Это проявлялось в спорных вопросах поземельного устройства: при разрешении конфликтных ситуаций чиновники руководствовались интересами, проводимой в первой четверти

XX в. переселенческой политикой, а не интересами коренного населения.

После утверждения проектов наделы окончательно отграничивались – устанавливались постоянные межевые знаки. Специально для этого был принят закон от 23 мая 1901 г. «Об утверждении границ земель...» [6, с. 383-384]. После межевания составлялись отводные записи, которые утверждались сначала старшими чиновниками, потом общим присутствием, а затем уже выдавались крестьянам и «инородцам».

Таким образом, сама процедура поземельного устройства была слишком запутанной и громоздкой, что спровоцировало уже в начале первого этапа землеустройства в Сибири многочисленные споры и тяжбы. В итоге, как отмечает исследователь М. Т. Когут, на первом этапе землеустройства в Сибири было проделано меньше 1/3 работ по проектированию, 1/5 часть наделов была отграничена, и лишь на 1/10 наделов были составлены отводные записи [5, с. 6-9].

Начало XX в. ознаменовалось разразившейся первой русской революцией, в ходе которой активизировалось и национальное движение народов Сибири. Жители ряда бурятских ведомств подняли новую волну ходатайств на имя Иркутского генерал-губернатора о приостановлении землеустройства. Обстановка в улусах накалилась настолько, что губернское чиновничество стало всерьез опасаться бурятского крестьянства. Исследователь Л. М. Дамешек, основываясь на материалах РГИА, приводит в своих трудах мнение действующего генерал-губернатора о сложившейся ситуации в регионе. Иркутский генерал-губернатор К. М. Алексеев, обращаясь в 1906 г. с донесением в Главное управление землеустройства и земледелия писал, что «для предупреждения со стороны бурят каких-либо волнений и демонстративных действий приходится в иных случаях удовлетворять их домогательства и приостанавливать работы» [7, с. 155]. Потенциальная опасность одновременного противостояния русского и бурятского крестьянства заставили генерал-губернатора приостановить землеустроительные работы в ряде бурятских ведомств губернии. А. Н. Селиванов, новый генерал – губернатор, сменил Алексеева. В августе 1906 года Селиванов потребовал от гражданских губернаторов (Иркутского и Енисейского) составить общий план на будущее землеустроительных работ. Им предписывалось «лично ознакомиться на отдельных сходках каждого улуса с желанием или нежеланием населения иметь у себя землеустройство...». По мнению старшего чиновника Иркутского поземельно-устроительного отряда И.С. Иконникова, это распоряжение было связано с тем, что «от инородцев, у которых в последнее время производилось и

производится землеустройство, поступают ходатайства о приостановлении у них землеустройства до выяснения их экономического быта» [Там же, с. 156-157]. Кроме этого, Иконников сообщал, что администрации приходится тратить много времени на проверку этих ходатайств, а «в иных случаях и приостанавливать уже начатые работы». Отмечая тот факт, что оба генерал-губернатора Алексеев и Селиванов различали понятие землеустройство от подготовительных к нему работ, Иконников сетовал на то, что «непонятно о каких ходатайствах инородцев здесь говорится», так как землеустроительные действия совершались лишь у тех кочевых «инородцев», которые об этом просили. Чиновник утверждал, что ни одно ходатайство не относилось к местностям, где совершалось землеустройство, «понимаемое в истинном значении этого слова» [4, л. 87-87 об.].

Следующий этап сибирского землеустройства пришелся на период проведения аграрной реформы П. А. Столыпина и явился одним из главных направлений этой реформы. Как отмечает исследователь С. А. Сафронов, в этот период термин «землеустройство» трактовался по-разному. В широком смысле под «землеустройством» понималась в целом система межевых работ. В узком смысле – и отграничение крестьянских наделов от казенных земель, и образование земельного фонда для последующего переселения, и реформа крестьянского наделного землевладения, а также поземельное устройство инородческого населения [8, с. 40].

В целом, переселенческое дело в самом начале XX в. приняло весьма масштабные размеры. Вместе с этим возросли и расходы. Так, согласно данным Всеподданнейшего отчета Государственного контролера, средств, выделяемых из бюджета, для организации переселенческих работ было потрачено: в 1905 г. – 2 млн. 651 тыс. руб., в 1906 г. – 5 млн 587 тыс. руб., в 1907 – 13 млн. 595 тыс. руб., в отчетном 1908 г. – около 19 млн. руб. Из этого понятно, что наиболее затратным являлись позиции на землеотводное дело и выдачу ссуд переселенцам [9, с. 130].

Сложившаяся в этот период обстановка в Европейской части России естественным образом отразилась и на характере политики в области отграничения земель в Сибири. Раньше российское правительство ставило перед собой цель устранение земельных споров между государством и старожильческим населением Сибири, а колонизационные задачи уходили на второй план. В период реализации столыпинской аграрной реформы, когда 10 марта 1906 г. практически была провозглашена свобода переселения всем желающим крестьянам, независимо от их места жительства и экономического состояния, отграничение крестьян

янского землевладения уступило интересам колонизации.

В 1908 г. известный исследователь-статистик А. А. Кауфман в своих трудах обращал внимание на довольно специфический характер землевладения и землепользования крестьянского и, в особенности, «инородческого» населения. По словам автора, в тот момент, когда правительство поставило задачу обеспечить малоземельных крестьян определенным количеством земли для удовлетворения необходимых им потребностей «инородцы» почти повсеместно стали предъявлять права собственности на занимаемые ими земли, саботируя ход поземельно-устроительных работ. Немалая часть этих пространств, по замечанию Кауфмана, превышала действительные потребности коренного населения. Таким образом, земли либо сдавались в аренду, либо оставались без какого-либо использования [10, с. 95]. По оценке чиновника, столь широкие пространства, производительные силы земли «не ценились никем и, именно в силу своего изобилия, расточались без разумной предусмотрительности». Кроме того, принимая к сведению результаты землеустроительных работ на территории Иркутской губернии и Забайкальской области, Кауфман оценивал их как «ничтожные», по сравнению с результатами работ в других сибирских губерниях. Так, Забайкальская область к 1908 г. вовсе не была охвачена землеустройством. В Иркутской губернии в этот период было запроектировано земельных наделов общей площадью в 400 тыс. «удобных» дес. на 30 тыс. душ муж.п. В Забайкальской области — 159 тыс. дес. на 75 тыс. душ м.п. Окончательно было ограничено число земельных наделов. В Иркутской — 163 тыс. дес., в Енисейской — 594 тыс. дес., в Томской — 247 тыс. дес. и в Тобольской губернии — 1 млн. 120 тыс. дес. [10, с. 103-107].

План землеустроительных работ на 1908 г. в пределах Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов предусматривал включение в колонизационный фонд 235 тыс. дес., расположенных преимущественно в бурятских ведомствах [11, с. 46]. Для скорейшего завершения землеустроительных работ в Балаганском и Верхоленском округах Иркутской губернии была организована особая «инородческая» землеустроительная партия. Исследователь Л.М. Дамешек, отмечает, что партия действовала в рамках прямой установки старшего чиновника Иркутского поземельно-устроительного отряда Иконникова на обезземливание бурят. Ссылаясь на материалы РГИА, ученый приводит следующее высказывание чиновника, которое описывает отношение последнего к бурятскому землевладению: «Если в какой-либо части губернии буряты будут устраиваемы в земельном отношении не на одинаковых основа-

ниях с крестьянами, то наделение их большим количеством земли повлечет уменьшение земельного фонда для переселения» [7, с. 159].

В январе 1908 г. Главный управляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин направил предписание на имя иркутского генерал-губернатора, в котором он писал, что «необходимо твердо уяснить, что по ныне действующему закону кочевые инородцы четырех сибирских губерний в общем правиле подлежат обязательному поземельному устройству, как и крестьяне. Совершенно недостаточно для приостановления поземельного устройства заявления бурят о нежелании или несогласии на это». Требовалось оказать активное содействие чиновникам земле отводных партий по «обращению земельных избытков» бурят в переселенческие участки [12, л. 130-132].

В 1909 г. в инородческих ведомствах Балаганского, Верхоленского и Иркутского уездов был составлен 131 проект переселенческих и хуторских участков общей емкостью в 15 925 душевых долей. Фонд проектировался одновременно с поземельным устройством населения. Так, поземельным устройством были охвачены в Балаганском уезде Бильчирское, Боханское, Нельхайское, Укырское, Унгинское, Куйтунское и Аларское ведомства. В одном лишь Унгинском ведомстве для переселенческих нужд было изъято 125 тыс. дес., из которых 14 тыс. в отчетном году было обращено под переселение. В 1910 же г. планировалось включение еще 50 тыс. дес. Значительные отрезки земель были также в Аларском и Куйтунском ведомствах. В отношении них особенно отмечались «благоприятные для переселения условия» — установленный размер душевого надела в 10 дес. удобной земли, что «нельзя не признать достаточно высоким». На территории Верхоленского уезда поземельным устройством были охвачены Баяндаевское, Кырменское, Хоготское, Верхне-Кудинское, Ользоновское и Куленгское ведомства. В Иркутском уезде — Суховская волость [13, с. 108-110].

Общий расход на землеотводные работы в 1909 году составил 2 893 530 рублей. Из этого 1 611 172 рубля пришлось на содержание чинов землеотводных партий, включая их дополнительные вознаграждения, а 1 282 358 руб. — на операционные расходы (нанимались рабочие и подводы, переводчики, приобретались и ремонтировались геодезические инструменты и разные другие материалы, необходимые для проведения работ) [Там же, с. 3].

По данным материалов ГАИО, к 1910 г. в Иркутском уезде землеустроительными работами было охвачено 20 волостей и ведомств из 29, в Балаганском — 26 из 35, в Верхоленском — 6 из 19. План на 1911 г. предусматривал включение в переселенческий фонд 169 тыс. дес. в качестве отрезков на территории 5 ведомств Балаганского и

Верхотенского уездов [14, л. 2, л. 5]. В отчетах о землеустроительных работах за последующие годы отмечалось, что они велись по всем волостям и ведомствам Иркутского, Балаганского, Верхотенского и Нижнеудинского и в одной волости Киренского уездов.

По данным Центрального статистического комитета, специфика сложившихся земельных отношений на территории Иркутской губернии заключалась в том, что в начале 1890-х гг. соотношение размеров землепользования было поделено между тремя основными сословными группами населения: крестьяне, казаки, с одной стороны, на долю которых приходилось 51,66 % земли, и коренным населением, с другой, на которых приходилось 44% земли [15, с. 31].

В отчете о землеустройстве Иркутской губернии 1913 г., на который ссылается в своей монографии исследователь А. И. Асалиханов, говорится о том, что «... до поземельного устройства числилось удобных и неудобных земель всего 4 211 059 дес. Из этого числа на долю крестьян и казаков приходилось – 2 200 294 дес. (52,25 %), на долю коренного населения – 2 010 765 дес. (47,75 %). В ходе землеустроительных работ было запроектировано 2 632 290 дес. удобных и неудобных земель в пользу крестьян и казаков. То есть, увеличение для этой категории населения составило 431 996 дес., или 19,63 %. Бурятскому населению было выделено 1 065 650 дес., т. е. в данном случае уменьшение составило 945 115 дес. или 47 %» [16, с. 68-69].

Таким образом, следует вывод о том, что бурятские земли использовались в первую очередь для формирования колонизационного фонда, поскольку наделы крестьян и казаков возросли почти на 20%, а наделы коренного населения сократились на 47% по сравнению с дореформенным периодом. Землеустроительные работы в Иркутской губернии продолжались до 1917 г., из этого следует, что продолжалось и пополнение переселенческого фонда из этих участков.

Если в целом по губернии землепользование бурят сократилось на 47%, то в основных районах их расселения этот показатель был еще выше – 53,5% [7, с. 161]. Так, в Балаганском уезде на одну наделную душу у бурят приходилось по 15 дес., а у русских – от 11,1 до 15 дес. В Верхотенском – у бурят по 15-17 дес., а у русских – от 8,5 до 15 дес. [16, с. 69].

Стоит отметить, сокращение земельных наделов, необходимых для ведения традиционного типа хозяйствования, привело к тому, что коренное население было вынуждено приспосабливаться к новым условиям. Практическим результатом землеустройства был подрыв скотоводческого хозяйства нерусских народностей, т. к. табунное скотоводство требовало значительных площадей. Так, в Иркутской губернии «число голов скота на

100 душ населения сократилась с 381 в 1897 г. до 184 голов (51,3 %) в 1917 г.» [7, с. 187].

Сложившийся в Сибири специфический тип землепользования представлялся в правительственных кругах нерациональным. Это отмечал в своих трудах начала XX в. А.А. Кауфман, говоря об отсутствии «разумной предусмотрительности», ибо население рассчитывало «на наличие еще непочатых производительных сил и естественных богатств» [10, с. 107]. Сам П.А. Столыпин обращал внимание на тот факт, что «в Сибири нередки примеры самого нерационального использования природных богатств». Уменьшение количества земли в руках сибирского населения в ходе аграрных преобразований начала XX в. виделось Столыпину как переход к новым формам быта. Такой переход являлся неизбежным событием, несущим за собой положительные результаты, хотя и имевшим некоторые болезненные черты. Несмотря на уменьшение земельных наделов, по замыслу министра, это должно было способствовать развитию торговли, «старожилы выигрывают на том, что для них является возможным сбывать новоселам в первое время вселения, избытки скота и хлеба». Кроме этого, планировалось увеличение распашки земельных пространств, «площадь посева, и урожайность земли у переселенцев больше, чем у старожилов, приблизительно на 20-30%». Однако самое важное, по мнению Столыпина, было положительное влияние переселенцев в плане совершенствования методов землепользования сибирских жителей, «агрономическая помощь должна быть ближайшим спутником происходящего теперь в Сибири поземельного устройства» [17, с. 87-108].

В этом контексте делался весьма важный акцент на культурной составляющей переселенческого процесса. По мнению Столыпина, переселенцы, обустроивая свой быт на новой территории «несут старые свои привычки и склонности; и так как большинство их идет из чисто земледельческих губерний, то они и стремятся везде и всюду сеять хлеб». Однако Столыпин сделал оговорку, что наряду с хлебопашеством должны развиваться и другие типы сельского хозяйства, согласно местным условиям. Поэтому необходимо было «энергичнее двинуть вперед сибирское поземельное устройство», а сделать это представлялось возможным только с позиции «изменения сложных действующих порядков» с помощью законодательных преобразований [Там же, с. 87]. Кроме этого, именно аграрный вопрос являлся тем стержнем, на котором основывались дальнейшие мероприятия правительства в отношении сибирского населения.

В своей Записке Столыпин обозначил общий политический курс, который был направлен на

интенсивное включение Сибири в состав государства. На разрешении аграрного вопроса в регионе выстраивались все дальнейшие мероприятия правительства в отношении коренного населения. Естественно, что буряты, привыкшие считать землю своей и использовать ее для удовлетворения своих потребностей, весьма негативно отнеслись к проводимому поземельному устройству. На этой почве возникали различные противостояния политике государства. Стоит отметить, что правительство было готово пойти на уступки, когда в первые годы после принятия землеустроительного закона обнаружило, что экономическое состояние определенной части бурятского населения не

дает возможности вести оседлый образ жизни. Однако произошёл переломный момент российской истории. Первая русская революция отчасти послужила причиной форсированного проведения преобразований с целью обеспечить более глубокую интеграцию сибирского региона. Медленный темп юридического оформления поземельных отношений, напряженная обстановка внутри страны как в центре, так и на национальных окраинах, привели к выстраиванию административной волостной организации в регионе более жесткими методами.

Литература

1. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: с 1 марта 1881 до конца 1913. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Его Имп. Вел. канцелярии, 1830. 48 т.: указ. Т. 16. № 12998.
2. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: с 1 марта 1881 до конца 1913. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Его Имп. Вел. канцелярии, 1830. 48 т.: указ. Т. 18. Ч. I. № 15539.
3. Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 49-54.
4. Сведения и заключения по поземельному устройству инородцев // ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 7.
5. Когут М.Т. Начальный этап поземельного устройства сибирских крестьян (1898-1906 гг.) // Аграрная политика царизма в Сибири: межвуз. сб. науч. тр. Омск: ОГПИ, 1989. 107 с.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье: с 1 марта 1881 до конца 1913. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Его Имп. Вел. канцелярии, 1830. 48 т.: указ. Т. 21. Ч. 1. № 20125.
7. Дамешек Л.М. Избранное: в 3 т. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII-начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. Т. 1. 417 с.
8. Сафронов С.А. Столыпинская аграрная реформа и ее влияние на хозяйственное развитие Восточной Сибири в 1906-1917 гг. (на материалах Енисейской и Иркутской губерний). Красноярск: Изд-во КрасГУ, 2006. 751 с.
9. Всеподданнейший отчет Государственного контролера за 1907 г. СПб., 1908. 248 с.
10. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриен, 1908. С. 79-140.
11. План работ переселенческого управления на 1908 г. СПб., 1908. С. 38-47.
12. Предписание главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина на имя иркутского генерал-губернатора от 18 янв. 1908 г. // ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 194. Д. 3671.
13. Землеотводное и землеустроительное дело за Уралом в 1909 г. СПб., 1910. 395 с.
14. Смета, план работ и выполнение последнего по образованию участков и землеустройству бурят Иркутской губернии в 1911 г. // ГАИО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 221.
15. Волости и населенные места 1893 г. Иркутская губерния. СПб., 1894. Вып. 4. 100 с.
16. Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 266 с.
17. Столыпин П.А. Записка председателя Совета министров и главного управляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. СПб.: Гос. тип., 1910. 168 с.